

Художник и город

Двойное предисловие

1.

Редко приходится дважды писать предисловие к одной статье. Но так получилось, что этот текст был актуальным двадцать лет назад, в 1989 году, и остается, увы, актуальным и сегодня, в 2009-м.

Как, впрочем, и все архитектурные проекты, концептуальные разработки, публицистические статьи Евгения Оленина, который три десятка лет был "возмутителем спокойствия" в нашем городе. Был. Потому что 20 февраля 2008 года, в 64 года, не выдержало сердце.

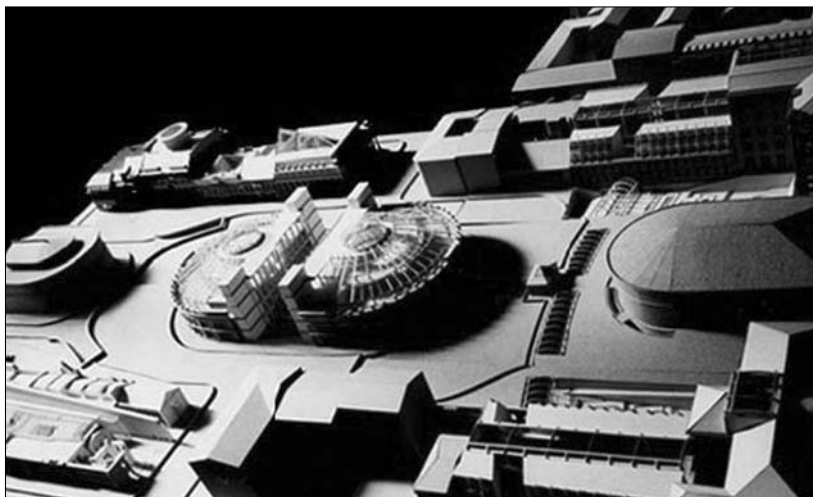
В этом году, в дни, когда отмечается год со дня смерти Евгения Оленина, в Одесском историко-краеведческом музее открыта выставка его проектов. Нереализованных. Ставших уже музейными, частью нашей истории. Так что и это второе предисловие к жизни и предисловие к тексту, которые, как и все прочие, как и все проекты, еще будут пробуждать и подсказывать.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ
2009

2.

Говорят, газета, а значит, и газетная статья, стареют на следующий день. Но недавно одно центральное издание перепечатало опубликованную в нем же десять лет назад статью. Провело такой эксперимент, поскольку проблема оказалась нерешенной, и выводы не устарели. Нет, мы не собираемся второй раз перепечатывать одну и ту же статью. Но ситуация с этой публикацией в чем-то похожа. Два года назад предложил художник Евгений Ильич Оленин нам статью о роли художника в городе, о необходимости консолидации деятельности творческих союзов перед лицом такой комплексной программы, как художественный облик города. Статья была интересной, но в то время шла полемика вокруг проекта Дерibasовской, страсти были накалены и, думается, статья не была бы прочтена, вернее, ее бы рассматривали лишь как очередной удар рапирой в сторону бывшего руководства ГлавАПУ, а не читали бы по существу. Те бои давно утихли. А проблемы остались.

Недавно автор статьи Е.И. Оленин напомнил, что в архиве редакции должны храниться его неопубликованные заметки. Перечитывая их сегодня, понимаешь, что актуальными, даже злободневными они остаются. Честно говоря, это печально. В дни революционных перемен в сознании роль художника в обществе всегда вырастает. Художника — не столько как живописца или скульптора, сколько как вообще творца. В нашем городе это

незаметно. Может, это служит подтверждением того, что перестроечные процессы у нас проходят медленно... Проблема "художник и город" не замыкается на вопросах бытия Союза художников или Союза архитекторов. В последние месяцы кинорежиссер С. Говорухин в ряде статей и интервью упорно ставит под сомнение дальнейшее существование фестиваля "Золотой Дюк". Не хотелось бы с ним согласиться. Но все же понимаешь, что для проведения такого кинофестиваля, зрелищного, развлекательного, яркого, но одновременно "очеловеченного", нужны не только кинотеатры, не только фильмы и даже зрительское жюри, но и личность – личность, которая могла бы собрать, объединить разных кинодеятелей гуманной идеей: фестиваль необходим во имя помощи, возрождения города, а не город как площадка для фестиваля. Найдется ли личность на этот раз?

Пример полярный: в студийном театральном движении в Одессе личности есть – это Аркадий Словесник. И театр он создал интереснейший. Помогает ли город коллективу? Нет. Не нашел даже денег отправить театр на гастроли в Японию.

А впрочем, обсуждая сейчас жизнь наших творческих союзов, не только Союза театральных деятелей, хоть разговор возник в связи с письмом его членов и вокруг него, давайте прочтем эту статью Е. Оленина – и еще раз вернемся к вопросу о консолидации творческих сил, о духовной атмосфере в нашем городе.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ
1989

Давно замечено: стоит выйти в незнакомом городе на привокзальную площадь, пройти несколько шагов по прилегающим к ней улицам, оглядеться по сторонам, чтобы понять — дремлет или активно действует здесь художественная интеллигенция. Если первым вашим впечатлением будет захламленность и оформительский хаос, если в глаза вам бросятся равнодушные пыльные газоны, безжизненные стандартные скверы, грязные тротуары, если вы обнаружите торопливую эклектичность в соединении прошлого и сиюминутного, значит, художники тут не в чести, либо их мнение игнорируется теми, кто отвечает за благоустройство и внешний облик города, сохранность исторической среды, градостроительную политику. Такова, на мой взгляд, и Одесса, хотя, судя по газетным публикациям и нескончаемым дискуссиям в кулуарах творческих союзов, безразличных среди нас не сыскать.

Связь между падением уровня городской материальной культу-

**Проект летнего театра Филармонии
в Городском саду**

ныне в филиалы городской свалки, до зияющих неосмысленной пустотой полупустырей между новостройками жилмассива Котовского.

Да, мы бурно спорим, поминаем с пиететом доставшееся нам по счастью культурное наследие — великолепные, в историко-культурном отношении просто бесценные кварталы, чьи фасады заставляют дивиться и фантазии прекрасных зодчих, и мастерству каменщиков и скульпторов, и ясности планировочного мышления, а тем временем уникальные постройки эти давно стали фоном для нелепейших киосков и ларьков, плохой рекламы, безобразных витрин и уличной мебели. Но ведь за это несут ответственность не только многочисленные торги-заказчики, но, прежде всего, художники всех рангов и цеховых пристрастий, которые своим соглашательством, беспринципностью или безучастностью открыли шлюзы для такого вот ведомственного произвола. Все художники — от самого Главного до студента художественно-графического факультета местного педина! И уж конечно, главные художники творческо-производственных комбинатов и предприятий культуры, превратившиеся в решении профессиональных вопросов в послушных исполнителей воли всякого руководства. Последнее же, не располагая, естественно, необходимыми знаниями, методом "тыка" разбрасывает на подведомственной ему территории не только овощные павильоны и цветочные рынки, но и стенды, и полотно наглядной агитации, которые, будучи часто выполнены вопреки профессионализму и логике, без учета психологии восприятия, никого не агитируют — люди просто не усваивают их смысла, видят лишь однообразные цветочные пятна.

Все, имеющее даже самую незначительную материальную ценность, принадлежащее частному лицу или государству, охраняется законом. Украденный кошелек, похищенная из музея картина, вынесенный с завода гвоздь, спиленная в парке в ночь накануне Нового года елка — все это не-

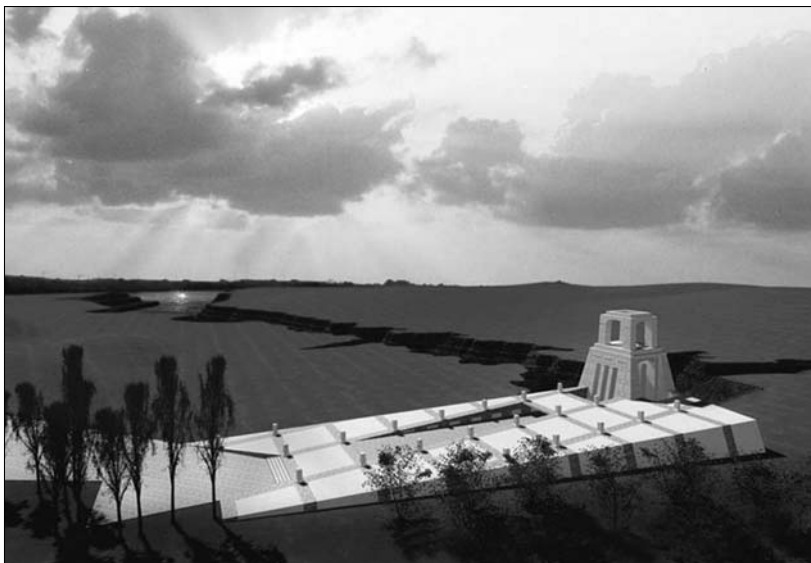
минуемо влечет за собой уголовную ответственность. Зато уничтожение охраняемых законом исторических кварталов, варварское выламывание старинных решеток (кстати, отнюдь не лишенных материальной ценности) остается безнаказанным. Никому из нас еще не приходило в голову, что Союз художников или архитекторов давно могли бы (и не раз, и не два) подать в суд на ведомственные организации, включая, естественно, и ГлавАПУ, занимавшееся на территории Одессы самым элементарным членовредительством. Почему же не приходило? Отчего мы не сделали этого до сих пор? Может быть, потому что каждый из рискованных шагов этих ведомственных организаций, представляющих собой, как иногда кажется, чуть ли не государство в государстве, настолько равнодушны они к критическим замечаниям в свой адрес, потому что каждый поступок свой тайно, чтобы не успело возмутиться общественное мнение, обставляется бесконечным числом словесных обоснований, тоннами проектной документации. За этим бумажным бруствером они неуязвимы или кажутся себе неуязвимыми, это уж как посмотреть. Но что такое эта документация? Давайте разберемся в этом.

Памятный знак в Прохоровском сквере

Все, что окружает нас — от здания до пуговицы, кто-то вообразил себе, нарисовал, рассчитал, воплотил в реальность. И оттого, как все это было сделано, насколько вдохновенно трудилась творческая и исполнительская мысль на каждом из этапов рождения на свет художественно-проектной идеи, зависит конечный итог, качество, так сказать, существования предметного мира — радующего нас, предназначенного для полного удовлетворения потребностей человека, внушающего ему уважение целесообразностью, фундаментальностью замыслов, возвышающего личность благородством форм; или безобразное, оскорбительное для наших чувств, унижающее интеллект, разрушительно воздействующее на веками формировавшееся согласие между духом и материей, нами и средой нашего обитания.

Хорошо известно, что выдающиеся памятники архитектуры, истории, материальной культуры вообще создавались по чрезвычайно скупой до-

Проект мемориала по увековечению памяти жертв Холокоста "Дорога смерти"

кументации. Разрезы. Фасады. Детали. Поэтапные планы... Всего несколько листов. Образное видение старых мастеров не нуждалось в сколько-нибудь сложных регламентирующих каждую мелочь чертежах, хотя строили они и выдающиеся в инженерном смысле сооружения, наподобие Исаакиевского собора или Потемкинской лестницы. Кстати, "строили" они в полном смысле этого слова, так как являлись единственными и непосредственными руководителями строительства. Всего два-три высоко- профессионально исполненных художественных листа раскрывали образную суть и смысл решения иногда грандиозной художественной идеи. Сегодня же десятки (а порою и сотни) не связанных друг с другом ни общими устремлениями, ни творческой заинтересованностью, ни, простите, талантом конструкторов и чертежников выдают тонны весьма серьезных чертежей, выявляющих собой средний или даже менее чем средний уровень профессионального мышления.

Трудно человеку, даже обладающему некоторым образным видением (а тем более администратору, отвечающему за реализацию такого проекта), разглядеть в этой кипе чертежей физиономию будущей постройки. Когда же все это воплощается в жизнь, все мы, независимо от профессиональной

нашей принадлежности, начинаем понимать, какова цена такой методологии проектирования. Перед нами — серость, безликость, торжество антихудожественности. В итоге проектно-бюрократической деятельности нынешнего времени чертежник, сметчик и конструктор заслонили талант художника. Взяв на вооружение усредненное мышление безликих авторов, десятки проектных "контор" проектируют серую же безликую жизнь.

Примеров тому в Одессе сколько угодно. Стандартизированные безликие кварталы новых районов, которые, не успев состариться, морально себя изживают, огромные серые камни бетонных зданий вроде гостиницы "Черное море" или жилого дома возле Успенского собора на ул. Советской Армии, разрушающие архитектурно-историческую целостность улиц; руины Пересыпи и Молдаванки, дорогостоящий обелиск на площади 10 Апреля, дискредитирующий уровнем решения художественно-социальной задачи высокую гражданскую идею!

По-разному складываются взаимоотношения художника с действительностью. Однако взаимное отчуждение друг от друга художников и города, наших творческих союзов от проблем, которые должны ими решаться, и привели нас к сегодняшнему положению вещей. Неудивительно, что поисками исчезнувших с крыш флюгеров занялся журналист, а не художники, которых этот факт должен был насторожить куда раньше. И неудивительно, что флюгеры и по сей день валяются на чердаке злополучного дома — архитектурное руководство города к газетным уколам нечувствительно. Что ж, процесс отчуждения, о котором я рассказываю, обоюден. "Средний" уровень, получивший распространение в нашем городе, заинтересован в том, чтобы не замечать попыток изменить ситуацию в лучшую сторону и, соответственно, против граждан-

Проект мемориала по увековечению памяти жертв Холокоста "Дорога смерти"

**Предложения по реабилитации
Всемирного торгового центра в Нью-Йорке**

помощи их никто не ждет. Более того, нам ясно дают понять, что в ней нет никакой необходимости. Ответ один. Творческие союзы обязаны вмешаться в жизнь города по собственной инициативе. В том числе и в свою собственную судьбу. Отсутствие современного выставочного комплекса, служебных помещений и надлежащих творческих мастерских у выдающейся когорты одесских художников едва ли способствует сближению города и художников, творческому росту сил.

Художественные концепции 60-х годов, выдвинувшие в градостроительстве и архитектуре на первый план инженерное мышление и конструирование, сегодня стали несостоятельны. Безраздельное торжество функционализма типовой геометризованности ведет неизбежно к нивелированию личности. Ценностные наши ориентации изменились. Общество, требующее высвобождения и творческой реализации свойств, которые мы называем теперь совокупно личностным фактором, возвращает нас на новом качественном уровне к яркой образной индивидуализации любого проекта, любой художественной идеи.

ской активизации жизни творческих союзов. Если это произойдет, безликости всяческого рода придется потесниться. В связи с этим не могу не вспомнить своего учителя, ленинградского архитектора Л.С. Катонина, человека высочайшей профессиональной и личной культуры, который, возглавляя одну из мастерских ГлавАПУ, с особым удовольствием разъезжал раз в неделю по поручению Ленсовета по городу и ревностно "сбивал" всякие наросты в виде случайных киосков, дурной рекламы и т. п. Об этом он рассказывал с огромным удовлетворением.

Но что же могут в этих условиях творческие союзы? Ведь

Время ждет от нас не спорадических решений, не конвульсивных попыток, а комплексных программ, основанных на долгосрочных прогнозах развития города вообще и отдельных его районов — новых и старых, исторически сложившихся. Программы эти должны основываться не только на традиционных представлениях о благоустройстве, но являть собой новый уровень художественного осмысления сущего применительно к нуждам миллионного современного города. Проектироваться должны не просто отдельные объекты, здания, магазины, парки и дома культуры, а вся городская среда, во всем ее объеме.

Так мы подошли, в частности, к решению проблемы регенерации исторического центра города. Однако эта художественно-проектная программа, более широко известная как проект реконструкции Дерibasовской, сегодня категорически отвергается, реализация ее тормозится. Это пример бесплодной пока попытки прямого воздействия художественной мысли на жизнь города. И все-таки делать это нужно вновь и вновь. Мы же, увы, заняты зачастую другим...

...Мы не умеем объединяться, отстаивая принципы, которые кажутся нам верными.

Мы не умеем защищать друг друга перед нажимом бюрократизма и демагогии. Мы то и дело пасуем перед чванной категоричностью и ханжеством непрофессиональности, поэтому, наверное, спокойно приняли "Потемкинскую деревню" на Пушкинской, потому даем разрушать на наших глазах Пролетарский и уже Приморский бульвары, потому бестрепетно наблюдаем за агонией всей городской материальной культуры, потому не требуем к ответу тех, кто в этой разлуке повинен.

Ведь отвечать пришлось бы и нам. Ведь нет извинений социальной пассивности тем, кто профессией своей назначен идти в авангарде культуры.

1987 год

На репродукциях — ряд проектов архитектора Евгения Оленина

